

Пётр Червинский

 <https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Wydział Humanistyczny

41-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5

czerwinski.piotr@gmail.com

**О мотивационной соотносительности
лексико-семантических дериватов
(на примере одного славянского корня). Полисемия слова и корня**

**On the Motivating Relation of Lexical-Semantic Derivatives
(One Slavonic Root as an Example). Word and Root Polysemy**

Резюме

С привлечением этимологического, исторического, диалектного, а также современного общепотребительного литературного материала рассматривается семантика, в первую очередь, русскоязычного корня *хол(о)-*, отчасти в сопоставлении с рядом славянских языков в контексте особенностей и отличия. Последовательно выводится общее и типичное в значениях таких слов, как *холостой*, *холон*, *холуй* и др. На базе этого общего прослеживаются далее возможные ответвления в развитии исходных значений. Обращается внимание на специфику не выделяемых уже в настоящее время суффиксов *-ст-*, *-н-*, *-уй* и подобные, с представлением их воздействия на семантику корня при формировании лексем. Анализ подводит к возможности выделения парадигматико-концептуальной схемы и потенциала, лежащих в основе моделирующего развития определяемого круга слов с опорой на их корневую семантику. В завершение выводится и представляется в наглядном типологическом виде, с опорой на составляющие семантические признаки, указанная концептуальная схема-модель для семантики *холостой* в отношении русскоязычного ареала, с учетом общепотребительных и диалектных употреблений.

Ключевые слова: семантика корня, этимология, диалекты, языковое сознание, парадигматико-концептуальный потенциал, развитие значений.

Summary

This article discusses the primarily Russian root *хол(о)-* based on the etymological, historical, and dialectal material as well as contemporary literary common language. The material is partly contrasted with some Slavonic languages in terms of features and differences. Common and indi-

vidual features are highlighted within the meanings of such words as *холостой*, *холоп*, *холуй* and others. This is considered a starting point for revealing further possible branches in the development of the original meanings. The author focuses on the specificity of the suffixes that are not currently isolated: *-cm-*, *-n-*, *-yü* and similar. The author also shows the influence of these suffixes on the root semantics in the process of shaping lexems. The analysis demonstrates that it is possible to identify a paradigmatic-conceptual scheme and potential which underlie the development model of the word range in question and the semantics of their root. At the end, the scheme is shown in an illustrative and typological perspective next to the semantic features of the *холостой* lexem. The conclusions address the Russian linguistic domain covering the usage in the dialects and in the common language.

Keywords: the root semantics, etymology, dialects, linguistic awareness, paradigmatic-conceptual potential, development of meanings.

При более или менее внимательном обращении к семантике лексических единиц в ряде случаев можно заметить не всегда объяснимые с точки зрения современного восприятия соотношения между значениями слов, подаваемых в словарях как многозначные. Вопрос, который при этом может возникнуть, собственно говоря, не один, а, по крайней мере два вполне очевидных вопроса, впрочем, связанных между собой, касался бы области так называемой мотивации при объяснении одного значения через другое, и в связи с этим, как следствие, объясняющее себя и понятное представление выбора, затрагивающего порядки значений, определяемых в своей нумерации. Не будем, однако, в данном месте входить в пространные теоретические рассуждения, важные и неизбежные при такой постановке вопроса, в литературе к тому же довольно широко и разносторонне отображенные¹, начнем свои рассуждения с примера. Не только для иллюстрации, но и для возможного обобщения и выводимого из этого следствия. Чтобы не углубляться излишне в проблему, в силу ограничения объема статьи, было выбрано только одно многозначное слово, а точнее корень общеславянского происхождения, весьма специфичный в семантическом отношении, в русском, украинском и белорусском языках.

Начнем с представления данного слова, а с этим, отчасти, и корня по МАС, как наиболее апробированного и признанного источника, чтобы все

¹ Проблемы семантики многозначного слова ставились и решались столь значительным числом исследователей и к тому же с разных сторон, что сам их перечень занял бы немало места. Помимо ставших классическими трудов, постоянно появляются новые, предлагающие разнообразные подходы и их разрешения. Поскольку в нашу задачу не входило их представление, назовем лишь некоторые, наиболее, на наш взгляд, характерные: (Гак, 1972), (Шмелев, 1973), (Уфимцева, 1977), (Гак, 1977), (Телия, 1977), (Кубрякова, 1981), (Телия, 1981), (Мурзин, 1984), (Кудрявцева, 1993), (Гак, 1998), (Кустова, 2000), (Анна А. Зализняк, 2001), (Розина, 2002), (Тропина, 2003), (Шапилова, 2012), (Кустова, 2016).

остальное, о чем следовало бы сказать, обратив на это внимание, можно было бы представлять с наглядной опорой на материал. Речь идет о слове *холостой* и корне, в кириллице представляемый как *холост-*. МАС дает его следующие значения в порядке от 1 до 8 (приводимые в словаре иллюстрации для сокращения места опустим):

1. Неженатый, не вступивший в брак (о мужчине) ... || *Разг.* Незамужняя (о женщине) ... 2. *только полн. ф.* Состоящий из холостяков. *Холостая компания* ... 3. *только полн. ф.* Свойственный неженатому мужчине или незамужней женщине. *Холостое положение. Холостая жизнь* ... 4. *Охот.* Одиночный, не имеющий пары, самца или самки (о животных, птицах). *Холостой волк. Холостая утка* ... 5. *только полн. ф. С.-х.* То же, что холощенный (т.е. кастрированный – П.Ч.). *Холостой бык. Холостой конь* ... || Не оплодотворенный, без зародыша (о самках животных). *Холостая кобыла. Холостая свиноматка* ... || Не дающий плодов (о растениях). *Браковка заболевших и холостых растений* ... 6. *только полн. ф. Тех.* Не производящий полезной работы, действующий без рабочей нагрузки. *Холостой шкив* ... || Осуществляемый транспортом без груза. *Холостой пробег. Холостой прогон*. 7. *только полн. ф. Воен.* Без пули, ядра и т.д., не боевой (о патронах, зарядах). *Холостой патрон. Холостой заряд*. 8. *только полн. ф. Устар.* Нежилой, пустой (о постройках).

Это последнее, 8-е значение, сопроводим для целей анализа приводимой в МАС иллюстрацией:

[*Раиса Порфильевна*] *выстроила просторный дом, развела огород и фруктовый сад, наполнила холостые постройки домашним скотом и всякой птицей и зажила, как в деревне.* Салтыков-Щедрин, *Пошехонская старина* (Словарь русского языка в четырех томах (МАС), 1984, IV, 618).

То, что холостое, следовательно, может быть наполнено и, видимо, требует, согласно имеющимся представлениям, наполнения, хорошо, когда наполнено, а не стоит пустым как холостое (аксиологический аспект).

Итак, первым значением, как следует из представления в МАС (и не только в нем), является ‘неженатый’, с немаловажным для того же значения, а точнее представления, стоящего за ним, уточнением ‘не вступивший в брак’ (вдовый (вдовец) и разведенный, следовательно, *холостой* уже было бы не совсем верным определением). Сюда же относится, как оттенок значения, с пометой *разг.* ‘незамужняя’ (о женщине, но, добавим, без поданного уточнения при мужчине в том смысле, что ‘не вступившая в брак’). Все остальные значения образованы, как получается, от этого первого и должны быть определены как его производные и, соответственно, дериваты.

Вопрос, который естественным образом при таком представлении возникает, связанный с вынесенной в заглавие мотивационной соотносительностью, на первый взгляд довольно прозрачный и ясный, будет касаться двух оснований, видящихся существенными для дальнейшего рассуждения. Во-первых, того, что русскоязычное (и, если шире, восточнославянское)

представление о *холостом* как неженатом в том отношении, что не вступившим в брак, как можно вывести из производных значений в смысловом их единстве, сводится к признаку (в обобщении) следующего из (первоначально) неналичия необходимой парности, неналичия пары как 'недостаточности', 'лишенности', 'неполноты', отсутствия чего-то существенного в функциональном отношении важного, если не определяющего. *Холостой*, по таким понятиям, предстает как 'неполный', 'неполноценный', 'неполнозначный', 'ущербный', такой, которому не хватает едва ли не самого главного, говоря по-другому, как 'несостоявшийся'. И за всем этим стоит отнюдь не скрытое представление о его 'непарности'. Говоря об отсутствии самого главного, как показывает исследуемый материал, и о чем пойдет речь в дальнейшем, основная идея, стоящей за всем этим неполноты, предполагает сформировавшееся о нем представление как о человеке. И в первую очередь, не только как о человеке в социальном его проявлении, но и как о целостности и его существе.

Во-вторых (касаясь вопроса о втором основании), необходимым и важным выделось бы понять не только то, что *холостой* как 'неженатый' значение первое и с точки зрения современного языкового сознания немотивированное, ибо все остальное мотивируется и следует из него, но и то, почему возникает, откуда берется и чем объясняется такое о нем представление, если, что необходимо добавить, с точки зрения все того же современного языкового и не только языкового сознания, подобного восприятия *холостого* (мужчины), собственно, уже нет, что вполне понятно с самых разных сторон и позиций, а *холостой* 7-го значения (для патрона, заряда, выстрела, все остальное следует видеть как не общеупотребительное) воспринимается, если не как омоним к 1-му, то едва ли не в обратном порядке (с чем автору приходилось неоднократно сталкиваться). С мотивирующей точки зрения, необходимо добавить, не в отношении основного и неосновного значений. В связи с чем и возникает, как следствие, вынесенный в название работы вопрос о мотивационной соотносительности, об изменении мотивации либо ее утрате, а также о семантических признаках, их характере и порядках, связываемых со стоящими за значениями слов представлениями.

Прежде чем обратиться к возможному разрешению поставленных двух вопросов, видится необходимым понять, что исходно за этим стоит, точнее стояло, могло стоять, с тем, чтобы это исходное постараться затем увидеть в дальнейшем развитии в порядке своих значений укладываемой семантики. Помочь в этом могут данные этимологических, исторических словарей, а также фразеологии, паремиологии, диалектологии, фольклорной обрядовости и этнолингвистики. В этом последнем случае стоило бы начать с довольно пространной цитаты из словаря *Славянские древности*, в отчетливой и короткой форме представляющей разбираемое положение вещей:

ХОЛОСТОЙ, холостяк – неженатый мужчина, перешедший за оптимальный, с точки зрения данной традиции, возраст для вступления в брак и в силу этого занимающий маргинальное положение в обществе. ... Считали, что Х. «не такой полный человек, как другие» (калуж. ...) и даже «не е човек» (болг. ...), ср. рус. смолен. «Сядить халостой², як пес бязхвостый; сядить жинатый, як пан богатый» ... Х. считался позором для семьи (о.-слав.) и всей деревни (серб.) ... ст.-чеш. *chlastý*. Семантика «пустоты», «бесполезности» еще отчетливее в ср.-волж. *пустой, трутень, сорока пустая* (*Славянские древности*, 2012, 5, 454)³.

Обратим внимание в данном месте на два обстоятельства – маргинальное положение *холостого* мужчины в обществе, с той существенной оговоркой, что речь идет о человеке, перешедшем за оптимальный возраст для вступления в брак. Положение, которое предполагает исходно одну из ступеней инициации, существенной для включения его в коллектив. Маргинальное положение следует из социальной его дезакцептации, непринятия как полноправного члена в данную общность. Что касается оптимального возраста, то таким, согласно источникам, по крайней мере, для русского материала, можно считать двадцать пять лет как критический и тридцать – как уже более, чем критический иотягчающий, показатель⁴. Не женившийся парень до этого возраста, будучи *холостым*, социальным изгоем, естественно, не воспринимался. Тем самым, в рассматриваемом представлении заложен заряд перехода от ‘неженатости’ как нормативного и не осуждаемого состояния к ‘неженатости’, с возрастом, как социальной ущербности и следующего из нее остракизма.

Вторым обстоятельством необходимо считать указанную ранее неполноту его как человека по сравнению с другими, воспринимаемую также в контексте его бесполезности, в крайнем своем проявлении объясняемую и как то, что он «не е човек». За этим стоит, а точнее может стоять, объяснение исходно мифологическое. В цитируемом словаре находим такое тому подтверждение:

Относительно происхождения Х. в Галиции была записана следующая легенда. Ева в наказание за грехопадение после смерти несет ежедневно столько яиц, сколько умирает людей. Господь разрезает их пополам: из одной половины рождается девочка, из дру-

² Видимо, с ударением на втором слоге, *халóстой*, для рифмы.

³ Автор статьи Г.И. Кабакова.

⁴ Ср. приводимую цитату в том же источнике (с. та же): «Тот казак, который не женился до 25-ти, а особенно до 30-ти лет, отпетый казак, такому казаку нет и не было прозвища, кроме как забудыга, шаматок, старое базло» (урал., Н.М. Малеча, *Словарь говоров уральских (яицких) казаков*. Оренбург, 2002/2: 12). Или такие пословицы, применительно к возрасту, в том числе и критическому: *Молодому жениться – рано, а старому – годы ушли. Старого мяса не уворишь, старого жениха не оженишь. Тридцать лет жены нет – и не будет. В двадцать лет сам женится, в тридцать лет соседи женят, а в сорок и сам чёрт не проженит* (Зимин, 2012, 307).

гой – мальчик. Две половинки должны найти друг друга, чтобы создать семью. Но если одна половина пропадет, то из другой получается Х. (или старая дева) (ЖС 1897/1:110). (*Славянские древности*, 2012, 5, 455).

Обратим внимание в этой цитате на следующие, представляющиеся важными, обстоятельства. Во-первых, яйца, из которых рождаются люди обоих полов, и их для этого разрезание Господом на две половины, во-вторых, на эти две половины двух разных полов⁵. Из чего получалось бы, что в представлении целостности заложена мысль о мужском и женском в единстве, исходная андрогинность с последующим рассечением такого цельного в своем существе человека на два, мужчину и женщину, известная в мифологиях разных народов. И, в-третьих, на то, что две получившиеся вследствие разрезания половинки должны друг друга найти, а если этого не происходит, то за этим стоит объективная причина – одна половина пропала, и это тогда не судьба. ‘Пропадешть’ оставшейся половинки, ее маргинальность и диссоциированность следуют из исходной неполноценности человека при его появлении на свет, утрате им второй части себя, своей собственной и ему предназначенной потому половины. Из этого следуют и его остракизм, и отношение к нему как ‘нечеловеку’ и полчеловеку. Стало быть, *холостой* недостаточное исходно и свою часть потерявшее существо, не такое, как все остальные.

Идея неполноты, ‘половинности’ и связанные с этим нехватки и недостаточности находят свое отражение в паремиологии. Ср. у Даля в его словаре такую прямо указывающую на это поговорку: *Холостой – полчеловѣка*. И к этому, в добавление и в расширение: *Холостой – что бѣшеный. Холостой – простой, женатый – богатый, а вдовецъ – что зяблецъ*. Несколько в стороне, но не менее важное представление о связи с утопленничеством и водой: *Холостому – хоть утопиться (съ тоски), женатому – хоть удавиться!*⁶ (Даль, 2000, 4, 559–560).

⁵ С этим связано этимологически общеславянское *пол-* ‘половина’ и рус. *пол*, как лат. *sex*, в котором также заложено представление о рассечении и разделении.

⁶ Сюда же русалки, сирены, заманивающие и затягивающие в воду одиноких и, как правило, молодых, неженатых мужчин. Как потустороннее, женское одиночное (неодинокое), ищущее себе пару, первоначально утраченную (представление о русалках-утопленницах, девушках, не вышедших замуж, брошенных либо не нашедших себе мужа). И интересное сопоставление с женатым, которому *хоть удавиться*. Ср., по крайней мере, для русского материала: *жена – удавка* и она же *веревка, камень на шею* (*Анна на шею* – название рассказа у Чехова, обыгрывается орден и имя супруги); *накинуть себе петлю на шею; самому (в)лезть в петлю / в петлю лезть* в смысле ‘жениться’ и *только в петлю и остается* (о несчастной женитьбе и сварливой, злобной жене). Тема, требующая своего уточнения и развития – почему женатое состояние связывается с ‘удавленничеством’, а холостое – с ‘утопленничеством’. В данном месте мы лишь обратим внимание на это не случайное сопоставление.

Развивая далее то, что было уже затронуто, *холостой* предстает как ‘бешеный’⁷ и ‘простой’, в противоположность женатому, который богатый (представление о вдовце, который зяблец, опустим). В каком значении следует понимать прилагательное *простой*? К этому приведенная в процитированном словаре поговорка *Сядит холостой, як пес бязхвостый; сядит жинатый, як пан богатый*. Женатый и богатый, и не просто богатый, а пан. В то время как *холостой* – бесхвостый и пес. Идея хвоста, которого он лишен, и того, что он пес, т.е. не человек (опуская возможные в данном месте параллели и рассуждения, что заняло бы немало места и уводило бы в сторону – о ‘псиности’ человека и в человеке, о псе, о человеке-псе, о песье главцах и пр. в мифологии и фольклоре). Будучи псом, человеком-псом, ‘бесхвостость’ в нем человечья, не псиная. К этому стоит припомнить волка в сказках с отмороженным и оставленным в проруби хвостом и его, в связи с этим, ‘бесхвостость’. Фаллическое представление о хвосте, напрашивающееся само собой, с отсутствием такового у холостого, было бы слишком поверхностным, хотя и небезосновательным, разрешением.

В отношении того, что *холостой* – простой, у Даля под этим последним понимается, как первое и основное, «порожній, пустой, ничѣмъ не занятый, самъ по себѣ» (Даль, 2000, 512). И, видимо, это значение следовало бы применить для холостого. Он, как человек, есть пустой, порожний, сам по себе, ничем не занятый. Ср. указанную ранее ‘беспольность’, пустоту в функциональном смысле, как черту в общественном сознании его характеризующую.

При гадании на будущего мужа, опять же у Даля, дается такое перечисление возможных для этого кандидатов: «Богатый, бѣдный, вдовецъ, холостецъ (приговариваетъ дѣвка, считая колья въ тыну)» (Даль, 2000, 4, 560). Тот на кого выпадет последний кол, за того и придется ей выйти замуж. Порядок и соотношение в приведенных парах отнюдь не случайные. В первой, как можно заметить, содержится имущественное противоположение по признаку обладания либо необладания, отсутствия желательного достатка. Вторая предполагает соположением вдового и холостого. Трудно сказать, который из них был бы лучше, существенным видится их общественный статус. Тот, за кого можно выйти замуж, при невозможности выбора, как правило, с девичьей стороны, будет либо богатый, либо бедняк, с одной стороны, либо вдовец, либо *холостец*, с другой. Но при этом, если вдовец, по признаку первого в паре, не исключено, что возможен богатый, соотносясь с первым пары предшествующей, *холостец*, в свою очередь, скорее всего, а именно он нас интересует, в паре с вдовцом второй, будет бедным (второй первой пары). Не столько по обстоятельствам сельской жизни, хотя и они в этом случае значимы (*холостец* нередко гуляка, забулдыга-пропойца, и не женился, поскольку

⁷ Что за его этим бешенством может исходно стоять, если опустить само собой разумеющееся? Впрочем, не будем входить в эту тему, требующую рассуждений и уводящую в сторону.

никто его не хотел), сколько, и это для нас важнее, по существующим о нем представлениям. С той существенной оговоркой, что *холостец* в данном случае понимается, и так его, видимо, следует понимать, как засидевшийся, вышедший из оптимального возраста для вступления в брак.

Возвращаясь к значениям *холостого*, представленным в МАС, в поисках мотивирующих оснований исходного корня с последующими его воплощениями, с учетом также всего дальнейшего, предполагаемого к рассмотрению, было бы целесообразным подразделить их по принципу семантической близости. Возможным видится деление на следующие три группы:

1) То, что касается человека и с этим живых существ, животных и птиц, объединяющим признаком было бы ‘одиночность’, ‘неналичие, отсутствие более или менее постоянной пары’, ‘безбрачное состояние’. Последнее – в отношении человека, при условии, добавим, таковой необходимости для него, поскольку, скажем, монашеского положения это не будет касаться, во всяком случае не должно⁸. Проецирующими данное представление были бы значения с 1-го по 4-е.

2) То, что, касаясь домашних животных и культивируемых для получения урожая растений, предполагает у них неспособность производить потомство, давать плоды либо их отсутствие на данный момент (о самках животных). И таким объединяющим признаком была бы ‘бесплодность’ (значение 5-е со своими оттенками).

3) То, что, касаясь орудий, построек, технических и транспортных средств, как артефактов и неживых объектов, предполагает признаком их нерабочесть, недейственность или недействие в отношении того, к чему они предназначены. Иными словами, ‘нефункциональность’, возможно, на время, на данный момент, что допускает потенциально способность их изменения: холостой патрон можно зарядить и произвести им нехолостой выстрел; нежилиую, пустую постройку можно заполнить (как это было в примере из МАС); холостой прогон, пробег, равно как и холостой шкив, сами по себе, содержат представление о состоянии, которое временно, и тогда это была бы ‘актуальная’, скажем так, ‘нефункциональность’.

Отвлекаясь от распространения семантики на объекты⁹, можно было бы, исходя из выведенного, говорить о трех взаимно связываемых для сознания семантических признаках – ‘безбрачии’, ‘бесплодии’ и ‘актуализированной нефункциональности’. Если вывести признак актуализированности из его

⁸ Из чего будет следовать представление о том, что *холостой* – это тот, кому не положено таким быть (опуская все остальные параметры, возрастные, физические и т.п.).

⁹ Говоря об объектах, необходимо иметь в виду, что они, формируясь в сознании в классы, существенным образом определяют семантику слов, способствуя изменению и переходам значений. Разбирая подобный вопрос на основе глагола, Г.И. Кустова отмечает следующее: «Как исходные, так и производные значения глагола ... связаны с семантическими характеристиками актантов. Поэтому, в принципе, при каждом глаголе должны быть указаны семанти-

отнесения к нефункциональности, в холостом, в общем о нем представлении, в известном смысле, идею времени, как о том состоянии, которое на данный момент, в ряде немаловажных случаев, можно увидеть. *Холостой*, если женится, перестанет им быть, так же как волк или утка, если найдут себе пару. То же о самках домашних животных, отчасти, возможно, растениях. Из чего получается, что холостым можно стать (для людей, достигнув определенного возраста, но то же и для животных, птиц, орудий, построек, снарядов при известных условиях) и вместе с тем холостым можно перестать быть. *Холостой*, тем самым, это такое вот состояние, будь то временное, будь то своим предварительным временем обусловленное. Обозначенный признак, однако, не обязателен, факультативен, и подвижен, – приложим не ко всем попадающим под определение *холостого* возможным объектам.

Обращаясь к этимологическим словарям для поиска исходного и мотивирующего в своих следствиях основания, прежде чем погрузиться в проблему, стоит отметить, в связи с предыдущим, заслуживающее внимания определение значений для *холостого* у П.Я. Черных. Называя свой труд *Историко-этимологическим словарем современного русского языка*, автор последовательно предвзывает даваемую им этимологию определением значений объясняемого слова, с краткой, в ряде случаев, исторической справкой его фиксации в письменных памятниках. *Холостой*, в этих самых, но современных значениях толкуется им следующим образом: 1) «неженатый»; 2) *спец.* «не вызывающий работу механизма», «не дающий полезного действия», «не рабочий»; 3) *с.-х.* «кастрированный»¹⁰ (Черных, 1999, II, 349). Основание такого тройного подразделения можно видеть: а) в актуальности представляемых значений для современного языкового сознания, с этим связывается также порядок от 1-го к 3-му, и б) в отнесении к определяемым словом объектам – люди, орудия, животные. Два последних значения сопровождаются также пометами – *спец.* и *с.-х.*, из чего следует, что только первое значение воспринимается как общеупотребительное.

Далее следует перечень слов того же корня в других языках славянской группы, из чего можно сделать вывод о характере его распространенности среди них. Приведем показательную цитату:

Укр. **холостий**, -á, -é, **холостяк**, **холостіти**, **холощений**, -а, -е, блр. **халасты́**, -áя, -óе, **халаця́к** (но «холостить» – **пакладаць**). В других слав. яз. отс.[утствует]. Знач. «неженатый» выражается гл. обр. словами, соответствующими рус. *неженатый* ... знач.

ческие ограничения на актанты, то есть заданы классы объектов (и соответствующих существительных), заполняющих его валентности». Далее она выделяет в качестве этих классов дискретные физические объекты, или предметы, которым противопоставлены другие классы – вещества, люди (сюда же живые существа), части тела человека, нефизические объекты (Кустова, 2000, 88, 90).

¹⁰ Кавычки оригинала.

«кастрировать» – по-разному ... Ср., однако, польск. *chłosta* – «побои», «телесное наказание», *chłostać* – «стегать», «сечь» (Черных, 1999, II, 349).

Получается, что разбираемое представление о *холостом* как неженатом сохранилось (хотя сомнительно, чтобы имело место), по крайней мере, как активное, только в восточнославянских языках, проблематичным видится и отражение в других славянских языках слов того же корня, хотя приводимые польские *chłosta*, *chłostać* дают повод для того, чтобы задуматься.

Как замечает далее П.Я. Черных с опорой на письменные памятники, «Др.-рус. (с XII–XIII в.) **холость**, **холостый** (> *холостой*), позже (с XVI в.) **холостьць** – «холостяк» (Срезневский, III, 1385)» (Черных, 1999, II, 349).

И, наконец, этимология дается им следующим образом:

О.-с. [общеславянское] *cholstь, -а, -о, *cholstьjь, -aja, -oje, *cholstiti. Этимология спорная. Старшее знач. прил. *cholstь, по-видимому, было «холощенный», «оскопленный», «кастрированный», далее – «неспособный к половой жизни». И.-е. [индоевропейский] корень, возможно, был *(s)kel- [: *(s)kol-] – «резать», «сечь (отсекать)» (с перестановкой начальных sk > ks > kch > ch на слав. почве). Ср. лит. skėlti – «колоть», «раскалывать», «высекать» (огонь), skilti – «расколотся», «треснуть»; гот. skilja – «мясник», skalja – «черепица»; др.-исл. (и совр. исл.) skilja – «отделять», «разделять», «прерывать»; др.-в.-нем. skala – «скорлупа», «шелуха» (совр. нем. Schale – «оболочка», «скорлупа»), scollo *m.*, scolla *f.* (совр. нем. Scholle) – «глыба», «кочок земли»; греч. σκάλλω – «копаю», «рою»... (Черных, 1999, II, 349).

Итак, этимология спорная, что отнюдь не редкость, и поэтому рассуждения, с ней связанные и следующие из нее, воспринимать приходится как предположительные, но, при соответствующей мотивирующей поддержке, вместе с тем как не исключаемые и допустимые.

В подтверждение спорности этимологии достаточно привести замечания, нашедшие свое отражение у М. Фасмера. Что, видимо, не без значения, само это слово в его словаре подается как диалектное и сопровождается следующими объяснениями:

Холосто́й, *хóлост*, диал. «коротко остриженный», ряз. ... «нежилой (о доме)», владим. ... «не махровый (о цветах)», донск. ... *холостя́к*, также о рыбе, метавшей икру, донск., *холосто́к* «самец рыбы», арханг. *не́холость* ж. «некастрированное животное», укр. *хóлост*, русск.-цслав. *хлaстъ* «caelebs», словен. hlâst «кисть без ягод». Отсюда *хóлостити́ть*, укр. *хóлостати́ти* «лущить толчением», блр. *хóлосціць* – то же (Фасмер, 1987, IV, 257–258).

Не будем входить в объяснения того, почему общепринятое значение ‘неженатый’ для *холостой* находит у Фасмера отражение лишь для русск.-цслав. *хлaстъ* и затем также для др.-русск. *холокъ*, видимо, это следует у него из источников. Как бы там ни было, но и он отмечает, что у этого слова «Исключительно гадательные этимологии». И добавляет далее следом:

Не представляются обязательными сближения со словен. *hlástiti* «хлестать, бить», словц. *chlástat'* «стегать», польск. *chłostać* – то же (см. *хлестать*) ... Недостоверны и сопоставления с польск. *chłostać*, *chłoznać* «укрощать, унимать» ... или с польск. *ochłostać* «износить, вытереть» ... Не более удачно сравнение ... с др.-инд. *khalatiṣ* «лысый». Не получило признания сопоставление с лат. *sōlus* «одинокий» ... точно так же как и сравнение с гот. *halbs* «пол-» ... Напрашивается сближение с *пахолок*, *холóp*, *холок*... (Фасмер, 1987, IV, 257–258).

Опуская то, что Фасмер считает недостоверным и, в отличие от мнения П.Я. Черных, не видит связи с польским *chłostać* и к этому, с тем же значением, словен. *hlástiti* и словц. *chlástat'*, отметим лишь семантико-мотивационные поиски этих недостоверностей у разных исследователей, не то чтобы не случайные или кажущиеся, но чем-то внутренне объяснимые. Говоря о напрашивающемся, по замечанию Фасмера, сближении с *пахолок*, *холóp*, *холок*, обратимся коротко к представляемым им этимологиям данных слов, для того только, чтобы увидеть возможные связи и основания. Начнем с последнего, как наиболее близкого в смысловом отношении: «**ХОЛОК** «холостой, неженатый», только др.-русск. *холокъ*, русск.-цслав., сербск.-цслав. *хлакъ* *ћуацос*, цслав. *нехлакаа* «беременная». || Обычно считается заимств. из гот. *halks* «пустой, скудный, бедный» ... Сомнительно ввиду различия знач-ий ... Скорее всего, исконнослав., связанное с *холóp*, *хóлост* ...» (Фасмер, 1987, IV, 256). Не без значения видятся два возникающих положения. То, что касается женского с отрицанием *нехлакаа* «беременная», ср. *непраздная* в том же значении в русском из ст.-слав., иными словами, также и «не пустая», или «полная, наполненная». Получается, что идея или мысль пустоты все же находит, пусть и не прямо, в *холокъ* свое отражение¹¹. И это было бы первое. Вторым можно видеть для *холостой* и для *холок*, а далее *пахолок* и *холóp*, суффиксальные морфы *-ст-*, *-к-* и *-п-*. Над чем стоит задуматься, если не разрешить, и что, следовательно, важно учитывать при разборе.

Итак, объяснения для *холостой* и для *холок* у Фасмера мы не находим, даются сближающие отсылки к *пахолок* и *холóp*. Это второе (опустим слова с тем же корнем в приводимых им славянских языках) сопровождается замечанием: «Все существующие этимологии недостоверны. Сравнивали с гот. *halbs* «полу-, половина», собственно «непарный, нечетный» ... или «служи-

¹¹ Небезынтересным и показательным, возможно и не случайным, видится нечто подобное в лат. *caelebs* (*coelebs*), *lībis adj.* «неженатый (*холостой* или *вдовый*); (*о самце*) одинокий, не имеющий подруги», образованное от *caelo*, *āvi*, *ātum*, *āre* «вырезывать», в то время как *vacua*, ае *f* «одинокая, незамужняя женщина» от *vacuus*, а, *um* «пустой, пустующий, порожний, незанятый». При этом если второе – существительное, то первое – прилагательное, следовательно, то и другое и грамматически различено. К этому стоит добавить и то, что пустота и незанятость соотносится с женским незамужним состоянием и положением, в то время как «неженатость» мужского – с отмечающимся в этимологии (П.Я. Черных) и словаре *Славянские древности* для галицийской легенды «резанием».

тель-евнух» ... при этом предполагалось родство со слав. *xolkъ и *xolstъ ...». Далее Фасмер дает всевозможные как сближения, так и заимствования, которые следует, по его замечанию, отклонить, заключая и, тем самым, противореча себе, в отношении *пахолок*: «Недостовечно родство с *пáхолок* и *хó-литъ*» (Фасмер, 1987, IV, 257). Противоречие это встречаем и в объяснении: «**пáхолок**, род. п. -лка «парень, баловень», зап., вятск. ... От *па-* и *xolkъ; ср. сербск.-цслав. *хлакъ* ѡуаѡс, др.-русск. *холокъ* – то же, цслав. *нехлакая* «беременная». Далее, вероятно, связано с *холоп* и *холуй*...» (Фасмер, 1987, III, 221). Если принять эту последнюю связь, то у *хол-* в слове *холост* (*холуй*, др.-рус. *холуи*), следует видеть еще один суффиксальный морф -уй (-уи), на который можно было бы обратить внимание.

Для более полного представления об этимологиях целесообразным представляется обращение к еще одному словарю. *Этимологический словарь славянских языков* так предлагает рассматривать разбираемое в его корне слово:

***xolkъjъ**: цслав. *хлакъ*, прилаг. ѡуаѡс, saelebs ... др.-русск. *холокыи* ‘холостой’ ... Обращает на себя внимание близость к **xolpъ* (см.) и **xolstъ* (см.), которые, как и **xolkъ*, не имеют соответствий за пределами слав. и оформлены разными слав. суффиксами (ср. еще **xolujъ*, см.). По-видимому, праслав. новообразование **xol-къ* от к. **xol-* < **ksol-/skol-*, представленного в **xoliti* (см.). Идея кастрирования (ср. **xolstъ*, **xolstiti* ...), видимо, все-таки вторична; следует отметить прежде всего функцию **xolkъ* и близких **xolpъ*, **xolstъ* как обозначений молодых существ определенного возраста ... Ср. при этом значение одного из продолжений **xoliti* – ‘стричь очень коротко’. Прочие этимологии маловероятны... (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 61–62).

В отношении **xolpъ*, на который содержится ссылка в рассматриваемом словаре, отмечается, в первую очередь, его связь с **xolkъ* и **xolstъ*. Опустим приводимые многочисленные образования, в том числе и в диалектах славянских языков, обращающиеся вокруг обозначений мужского разного возраста, вида, строения и положения, типа (лишь для примера) словен. *hlâp* ‘балбес’, чеш. диал. *chlap* ‘взрослый мужчина, мужик’, ‘лоботряс’, ‘красивый, видный человек’, ‘порядочный человек’, ‘женатый мужчина’, словц. *chlap* ‘мужчина, силач, детина’, ‘муж’ или словин. *χliop* ‘мужчина’, ‘муж’, ‘самец’, ст.-польск., соответственно, *chlop* ‘крестьянин, мужик’, ‘мужчина’, польск. ‘(мелкий) земледелец, крестьянин’ ‘мужчина, мужик’, др.-рус. *холоп* ‘несвободный’ ‘слуга’ в его соотношении со ст.-слав. *хлань* ‘слуга, раб’ и русск. *холоп* ‘раб’, ‘крепостной крестьянин’. С точки зрения происхождения предлагается следующее: первоначальное значение у **xolpъ* как ‘кастрированный раб’ (А.И. Соболевский, 1914 г., и то же встречаем у П.Я. Черных) считается менее убедительным, более правильной видится родственная связь с чеш. *pachole*, *pacholek* с привлечением для аналогии возрастных и социальных обозначений *раб*, *роб* и *паробок*, *робя*. С выделением слав. суф.

-р- (что ранее отрицалось) появилась возможность реконструкции **xolo-* ‘молодой человек’ (со ссылками на источник) (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 63).

В отношении **xolstь* отмечается упомянутая ранее связь с **xolkъ* и **xolpъ* с выделением суф. *-stь* от общего корня **xol-*.

Связь **xolstь*, **xolpъ*, **xolkъ*, **xoliti* (сюда же **xolijъ* не только по этому словарю – П.Ч.) и их семантика реальнее всего указывают на первонач. значение ‘стричь’, ‘стриженный’, а не ‘кастрировать’, как нередко предполагалось, ср. сближение **xolstiti* с **xlastati...* Прослеживаемые у **xolkъ*, **xolpъ*, **xolstь* значения молодости, молодцеватости как-то не вяжутся с кастрацией, но могут быть осмыслены в связи с возрастными обозначениями. Ср. греч. *kóрос*, *ко́рос*, ‘мальчик, сын’, *кóрѣ* ‘девушка’: *κείρω* ‘стричь’, *τριχοκοιλία* ‘обряд острижения волос у подростков’ (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 65).

Для **xoliti*, **xolijъ* с выделением корня **xol-* в разбираемом словаре отмечается та же связь, с указанием, что «В основе всех частных значений лежит значение ‘стричь, резать’» (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 65). Ср. также такие примеры отсюда же (с. 64, 61, с указаниями на источники): **xolstiti*: цслав. *хлостити* *evirare* ‘холостить’, русск. *холостить* ‘кастрировать’, диал. *холостить* ‘стричь слишком коротко’ (пск., твер.), ‘обманывать, обирать кого-либо’; диал. *холить* ‘стричь очень коротко’ (пск., твер.), ‘приводить в порядок, чистить, прибирать’, ‘чистить’ (волог., ряз.), ‘стегать, драть’ (твер.).

Объясняется как продолжение **ksol-* от и.-е. **ks-* ‘скрести’, ср. др.-инд. *kṣāláyati* ‘мыть, чистить’, лит. *skaldáuti* ‘мыть, полоскать’. Ср. ... знач. ‘чистить’, ‘мыть(ся)’, а также ‘стегать, драть’ у слав. слова [**xoliti*]. Значения ‘нежить’ и ‘драть’, как известно, родственны, ср. **dročiti* (см.) (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 61).

Обращаясь вокруг различных этимологий, предполагающих выведение как формальной, так и семантической первоосновы с установлением образовательных и не только образовательных связей, приходим к выводу (ничто не мешает к таковому прийти), что в первоначальном и формирующем отношении корень *хол(о)-* в русском *холост(ой)*, с одной стороны, отражает себя в таких производных, как *холст*, *холон*, *холуй*, *холить*, *пахолок*, *пахолень* (неженка), *холить* и само собой *холостить* (ограничимся только русским на сей раз материалом, сюда же *нахал*, *подхалим*, о чем речь впоследствии). Со всеми дальнейшими производными каждого слова. С другой своей стороны, в смысловом отношении, опуская возможные не случайные связи, отмеченные в процитированных этимологических словарях, следует говорить об идее стрижения, слишком короткого нередко стрижения, срезания и резания, с развитием далее в сторону подрезания и кастрации.

Все это переходит и переводится на представления: а) возрастного либо, б) социального положения, связываемые, в конечном итоге, с достижением либо недостижением полноправного состояния, с утратой (для кастрируемых рабов) либо приобретением в последующем (для постригаемых юношей, скажем), с одной стороны, социальной позиции в данной общности, на актуальный момент еще недостаточной, а с другой, с тем, что связывается в сознании с отношением к производительности, способности либо неспособности, возможности либо нет, к воспроизводству, созданию потомства.

Холостой при таком восприятии может видаться как ‘непроизводительный’, ‘не дающий потомства’ (применительно к человеку и живым существам), ‘не работающий в должном режиме’, ‘не производящий’ поэтому соответствующий продукт, полагаемый результат (в отношении артефактов). В отношении человека непроизводительность эта, имея актуализируемый ко времени смысл, может восприниматься с позиции, выражаемой как еще, пока что (такой, поскольку молод, не в браке и не созрел, как первоначальное) или уже, поскольку вырос, перерос, постарел, для представлений более позднего состояния о перестарке-холостяке, либо обрезанный, холощенный, кастрированный, ‘остриженный слишком коротко’ – для такого раба.

Определяя выявленное на основе этимологических положений и не давая оценки им с позиции достоверности либо недостоверности, поскольку не в этом состояла задача, оттолкнемся в дальнейших своих рассуждениях, предполагающих отражение представлений о возможном развитии и мотивационно-семантических связях разбираемого корня, от того, что находит свое выражение в формально-словообразовательных показателях, суффиксальных, в первую очередь, хотя также и в префиксальных, которые, присоединяясь, определяют значение корня в том или ином отношении. Возьмем для этого те значения, которые не то, чтобы были самодостаточны и очевидны, но полагали бы некое обобщение.

На основе приведенного материала можно было заметить, что интересующий нас корень *хол(о)*- русского языка (русского, поскольку в нем этот корень наиболее полно представлен, как свидетельствует все тот же этимологический материал), как уже отмечалось ранее, встречается в словообразовательных формах *холост(ой)*, др.-рус. *холок*, *холоп*, *холуй*, а также, не без сомнений и оговорок, в слове *холст* (см. у П.Я. Черных¹²) и *холити* с его производными *пахолок*, *пахольень*. К этому необходимо добавить отмеченные и ранее *нахал*, *подхалим*.

¹² «Старшее знач. этого слова, возможно, было «отрезок, кусок холста (грубого, толстого полотна) определенной формы (для мешка, попоны, половика и др.)». Если так, то, м.б., по корню (о.-с. *chъl-) рус. холст восходит к и.е. *(s)kel- [: *skl̥-] – «резать», «сечь», «рубить» (с перестановкой начальных sk > ks > kch на слав. почве). Некоторое затруднение тогда представила бы лишь концовка -st(ь). М.б., из *chъl-t-t- или chъl-d-t-, где первый зубной – расширитель дославянской эпохи» (Черных, 1999, II, 349).

В отношении *нахал* П.Я. Черных отмечает следующее (выберем только то, что может иметь значение для дальнейшего):

... грубый, бесцеремонный человек» ... В других слав. яз. лишь как заимствование из русского ... В русском языке слово *нахал* – довольно позднее ... ◦ Корень тот же, что в *охальник*, *подхалим*, в абляute – в *холуй*, а также в *шалить* (см.) ... И.-е. корень, м.б., *skēl- : *skōl- ... «гнуть», «сгибать», также «кривой», «искривленный», «извращенный» (с перестановкой *ksel- : *ksol- на о.-с. почве, откуда (ks > kch > ch) *chol- : *chal-; *šal- (Черных, 1999, I, 562).

Можно бы отметить попутно, если не противоречие, то некоторую непоследовательность, в представлении значения индоевропейского корня, у автора не объясняемое. Связывая *нахал*, *подхалим*, *охальник* с *холуй* и *шалить*, у первых трех Черных отмечает корнем *skēl- : *skōl- со значениями ‘гнуть’, ‘сгибать’ и последующие, в то время как для двух других этот корень выглядит в форме *(s)kel- (по-видимому, как вариант?) в значениях ‘резать’, ‘отделять’, предлагая в отношении *шалить* видеть в этом случае с семантической точки зрения сходство с *резвый* (от рѣзати) (Черных, 1999, II, 400).

Можно ли считать это разными значениями одного и того же корня и, если да, то как смотреть на такой переход? Оставим, однако, этот вопрос без уточнения, как требующий погружения в индоевропейский по своему происхождению материл. Еще раз приходится повторить, что при различии и неочевидности предлагаемых разными авторами этимологий, опора на них может иметь характер предположительный, в связи с чем дальнейшее построение попробуем выводить с учетом не только и не столько этимологических, сколько имеющихся лексико-семантических данных. Та смысловая модель¹³, к отражению которой мы будем стремиться, по этим причинам будет иметь допустимый характер, передавая не столько действительное с точки зрения происхождения положение вещей (утверждать однозначно что-либо с этих позиций было бы делом рискованным), сколько в концептуальном отношении вполне вероятное. В концептуальном, поскольку так можно мыслить и такое предполагать и такие (равно как и другие какие-то близкие)

¹³ В работах последних лет все чаще говорится о необходимости связи процессов семантики с особенностями восприятия и отражения в сознании явлений реальной действительности, с так называемыми концептами в том числе. См. для примера: (Лапшина, 1996), (Убийко, 2004), (Морель, 2010), (Кустова, 2016). Анализ типов семантических изменений, основанный на когнитивных предпосылках предлагает, в частности, М.Н. Лапшина (1996, 12–13). Тем не менее, как отмечает Н.Ю. Шабалина, «... в современной лингвистике еще не сложилась универсальная система взглядов на семантическую деривацию как средство концептуализации действительности» (Шабалина, 2007, 3). Говоря о посреднической функции языка между человеком и внеязыковой реальностью, Г.И. Кустова отмечает: «... язык и сам несет в себе отпечаток человеческих способов освоения реальности» (Кустова, 2000, 85). Отнюдь не случайно в этой связи исследователи во многих работах поднимают вопрос о моделях.

представления не противоречат тому, что имеется, может иметься в языке-вом и не только языковом сознании носителей данной ментальной культуры.

Принимая, однако, представленные в этимологиях соотношения, можно было бы говорить о том, что разбираемый корень *хол(о)-/хал-/шал-* русско-го языка, сочетаясь с суффиксальными морфемами *-к-* (для *холок*), *-ст-* (у *холост*), *-п-* (*холоп*), *-уй-*, др.-рус. *-уй-* (*холуй* и *халуи*), *-ити* (*холити*, *шалить*), *-т-* (для *холст*, поскольку *-с-*, согласно Черных, предположительно диссимилятивный итог зубного расширителя первого *-t-/-d-* в *-t-t-/-d-t-*), префиксальным *на-* (*нахал*), префиксально-суффиксальным *под-* ... *-им* (*подхалим*), – сочетаясь с этими морфемами первой ступени, при которых возможны последующие, в семантическом отношении разбираемый корень дает результат, который, в известном его обобщении, можно было бы видеть следующим (с той оговоркой, что в приложении к человеку):

	<i>-к-, -ст-</i>	‘неженатый’ как ‘коротко стриженный’ и ‘непродуктивный’
	<i>-п-</i>	‘раб’, ‘слуга’, ‘крепостной’, ‘крестьянин, мужик’
<i>хол(о)-/хал-/шал-</i>	<i>-уй-</i> <i>-уй-</i>	‘слуга’, ‘лакей’
* <i>холо-</i> ‘молодой человек’	<i>-ити</i> (<i>хол-</i>) <i>-ити</i> (<i>шал-</i>)	‘нежить’, ‘баловать’, ‘ухаживать, заботиться’ ‘проказничать’, ‘резвиться’, ‘дурачиться’
	<i>-т-</i>	‘полотно’, ‘кусок, отрезок грубого полотна’
	<i>на-</i>	‘грубый, бесцеремонный, наглый’
	<i>под-</i> ... <i>-им</i>	‘лстивый угодник’, ‘унижающий себя и других перед кем-л. с целью добиться его расположения’

Вопрос, который возникает в связи с поставленной задачей, а с ним затем еще один, последующий, заключался бы в том, чтобы решить (исходя из концептуально допускающей возможности), – что все эти представленные в правой части таблицы проекции объединяет, имеется ли некий контрапункт (будем полагать, что имеется), из которого все это исходит и на который, опять же в концептуальном отношении, опирается? И с этим, как следствие, в каких смысловых, ментальных, направлениях лучами расходится все дальнейшее, а также чем и как все эти расхождения можно бы объяснить? Добавим к этому, что, исходя из прилагаемых к корню морфов, оттакаяваясь от них в семантике, нашедшей свое выражение в вербализованных формах, при рассмотрении названных семантических направлений мы будем от этих морфов отвлекаться. Так же как при последующем словообразовании – от морфов, с переводом значения в другой класс (типа *холостить* ‘кастрировать’, *холостак* ‘рыбий самец’, *холостянка* ‘похлебка’) и затем от называемых словами с данным корнем объектов, типа *холостой патрон*, *холостая постройка* и т.п. С тем чтобы впоследствии прийти к выводу о том,

какой, с одной стороны, можно себе представить в отношении данного корня смысловую матрицу, парадигматическую схему, моделирующую сеть (не суть важно, как это назвать, важно в параметрах, ее составляющих, определить и увидеть). А с другой, на какие классы или группы объектов может эта сеть в ее значениях распространяться, что она может в составе своих семантических проекций в номинативном отношении предполагать¹⁴. Отдавая себе отчет в том, что задача эта в ее более или менее полном виде в пределах ограничения объемом невыполнимая, автор видел возможность ее решения как постановку и намечаемый процедурный подход.

Возвращаясь к представленной мысли и передавая ее в обобщении, смысл подхода к определению и описанию разбираемых параметров можно свести к положению о соотношении учитываемых при подобного рода анализе четырех сторон:

1. Того, что исходит и следует из этимологий, выводится и формируется на их основе (примерами были бы те проекции, которые нашли свое выражение в словарях).

2. Того, что себя полагает как следствие словообразовательных воплощений, передаваемых с помощью соответствующих формантов, но воспринимаемых, способных восприниматься, с позиции выражаемого смысла, вне их. Форманты, тем самым, лишь оформляют, позволяя увидеть и распознать, то, что, собственно говоря, к ним таковым для сознания (по крайней

¹⁴ О семантической схеме, или модели, при изменении состояния объекта на материале изучения глаголов пишет Г.И. Кустова, замечая также, что «в результате расширения сферы приложимости исходной единицы происходят соответствующие модификации значения», а «при изменении типа актантов происходит категориальный сдвиг значения», отмечая это как синтагматический фактор. Под парадигматическим фактором она понимает семантическую парадигму, или класс (глаголов), и тип исходного значения, выделяя также в качестве очередного фактора, влияющего на семантические изменения и тип производного значения, семантический процесс (метафорические и метонимические переносы, расширение и сужение значения) (Кустова, 2000, 87–88). Показательно также в указанном случае следующее замечание Н.П. Тропиной: «Одной из важнейших задач семантической дериватологии является, на наш взгляд, теоретическое обоснование использования при изучении и описании семантической деривации понятия модели ... адаптация этих понятий к особенностям семантической деривации; выделение продуктивных моделей семантической деривации, действующих в языке» (Тропина, 2003, 4). Обосновывая все это, Тропина идет еще далее, предлагая, при изучении деривационных процессов, мультипарадигмальный, по ее определению, подход «со стороны семантики, синтагматики, прагматики, ономастиологии, с применением методологии, методов и приемов, разработанных и апробированных как традиционным описательным языкознанием, так и другими исследовательскими направлениями – структурной лингвистикой, функциональной лингвистикой, социопсихолингвистикой, когнитивной лингвистикой». Семантическая деривация в этой связи рассматривается ею «в нескольких исследовательских парадигмах: ономастиологической, эпидигматической (деривационно-семасиологической), синтагматической, этносоциопсихологической (с точки зрения отражения этнических стереотипов и влияния на языковую картину мира)» (Тропина, 2003, 7).

мере, на первой ступени от корня) не всегда имеет свое отношение: *-ст-*, *-(с)т-* в *холостой* и *холст*, равно как и *-н-* или *-уй* в *холоп* и *холуй* как смысловые отдельности не воспринимаются и значения слова не передают. Другое дело в таких словах, как *холопство*, *холопка*, *холуйство*, *холстина*, *холостяк*, *холостежь* – ступень словообразования не исторического, на которой первоначальный корень, не воспринимаясь и видясь в составе своих обособленных производных *холоп-*, *холуй-*, *холст-*, *холост-*, предполагает осознаваемую очевидность морфемных значений у *-ств(о)*, *-к(а)*, *-ин(а)*, *-ак*, *-ожь*, не говоря о последующих образованиях типа *холопствовать*, *холуйствовать*, *холстинный*, *холостяцкий*, *холостежный* и пр.

3. Того, что находит свое выражение в семантической деривации в виде отдельных значений, оттенков значений у слова, а также словоупотреблений, как узуальных, так и не узуальных, с переходом, предполагающим смену класса объектов обозначения, типа *холостая утка*, *холостой бык*, *холостые щи*, *холостая постройка*, *холостой снаряд*, *холостой пробег* и т.п., в отношении узуальных употреблений, или что-нибудь вроде *холостое стояние*, *холостые будни*, *холостой диван* (как ничем не застеленный) для не узуальных. В эту же группу необходимо добавить значения и оттенки значений, находящие свое отражение в говорах и о чем еще будет речь: *холостой налог* (на бездетность), *холостые рыбы* (выметавшие икру), *холостые помидоры* (без завязей), *холостой сруб* (без прокладки мха между бревнами) для примера, и таких очень много.

4. Того, что можно определять как парадигматико-концептуальный потенциал, предполагающий как необходимости, так и возможности реализованных и способных к реализации проявлений. Потенциал, который в отношении разбираемого корня, с учетом его воплощений на первой ступени, самостоятельных и изолированных, не воспринимаемых современным сознанием как связанные между собой, предполагает ту самую матрицу или сеть, о которой ранее говорилось.

Не то, чтобы действие, но, скорее, существование этой сети и матрицы, можно и, как представляется, следует полагать и, тем самым, выводить и описывать, с одной стороны, как самосущее и внеположенное по отношению к двум из трех упомянутых перед этим сторон, в пунктах 2 и 3, т.е. словообразовательной и семантической деривации, с появлением новых форм и значений. В то же время, с другой стороны, невозможно и ни в коей мере не следует отрицать неизбежной связи концептуального потенциала с тем, что находит свое выражение в дериватах, – связи, направленной, в первую очередь, от него, поскольку им управляется смысловая и с этим формальная необходимость, определяемая номинативной потребностью. Равно как и действия, точнее воздействия, с их стороны, со стороны появившихся и, в первую очередь, общепринятых и освоенных дериватов. Такого воздействия, которое, результируясь и оседая, указанный парадигматико-концеп-

туальный потенциал, не ощущаемый, но действующий для сознания как матрица или сеть, в составе параметральных его показателей организует и оформляет.

Существуя вне номинативных своих отражений, принимающих форму и вид дериватов соответствующих слов и корней, потенциал, о котором речь, их появление вызывает и тем себя в них воплощает, но, существуя до них и вне их, оформляется, складываясь и уточняясь, с опорой на них, как от них на себя свое обращенное следствие. Об этом самом парадигматико-концептуальном потенциале и будет, собственно, речь, с рассмотрением и привлечением словообразовательных форм и значений с оттенками у разбираемого первоначального корня *хол(о)-*, как для возможности соотношения с ним, так и для очевидности его выявления.

Прежде чем расширить представленный материал для возможности более полного рассмотрения того, о чем говорилось в последнем, 4-м, пункте, обратимся к тому, что имелось, будучи выведенным, на основе первой ступени образований от *хол(о)-*, что нашло свое выражение в таблице и что привело к постановке вопроса об объединяющем смысловом (парадигматико-концептуальном, как теперь можно добавить и уточнить) контрапункте и о следующих из него направлениях-лучах.

То, что получится, будет по внешнему виду представлять собой проявления первой ступени для корня *хол(о)-*. По внешнему виду, но не существу. По существу речь пойдет об имеющихся в сознании и для сознания представлениях, которые, будучи связаны между собой, переходят одно в другое, взаимодействуют, движутся и развиваются. Это движение и развитие, расширение, распространение их находит свое выражение в номинации¹⁵, поскольку имеет исходно не только ментальный, но и коммуникативный характер, в стремлении выразить то, что замечено, для других. Этим других, равно как и того или тех, кто что-либо обозначает и называет, не следует, собственно говоря, различать, имея в виду стоящего за всем этим множественного Субъекта – Субъекта языкового и не только языкового сознания и вместе с тем и другим языка.

Имея ментальный и одновременно коммуникативный характер, то, о чем речь (понимаемое как матрица, сеть, парадигматико-концептуальный потенциал), вместе с тем неизбежно является средством и способом отражения, переосмысления и ощущения представлений о мире, тем, отчасти, что

¹⁵ В литературе предмета это определяется как преобразования, семантические сдвиги, имеющие в ряде случаев категориальный характер. См., для примера: (Кубрякова, 1991), (Кудрявцева, 1993), (Гак, 1998), (Антонова, 2003) и др. О семантических сдвигах при описании системы значений лексемы, с установлением отношений между отдельными значениями внутри нее, т.е. типах семантических сдвигов, с изучением их механизмов, на материале адъективной лексики см. показательную работу: (Рахилина, Карпова, Резникова, 2009), а также их же (2010).

принято называть языковой картиной мира, просто картиной мира, моделью мира и пр. Не будем, однако, входить в рассмотрение всех этих дескрипций и их пониманий, о чем написано очень много и что, вместе с тем, не входило в задачу, а даже самый краткий обзор, заняв место, лишь уводил бы в сторону. В данном месте необходимо было единственно указать на подобную связь, видя смысл предлагаемой работы в наглядном, на базе выбранного материала для корня *хол(о)*-, главным образом русского языка, отображении того, что за всем этим материалом стоит, что способно (было способно) его вызвать к жизни и воплотить и что, вместе с тем, не могло бы, но не существовать, а быть оформленным без него (что приходится повторить для связи и в завершающем сказанное обобщении).

Итак, возвращаясь к тому, что нашло свое отражение в таблице и что было бы выражением, но лишь условным, поскольку не для сознания современных носителей языка, соотношения концептуального со словообразовательно его оформляющим (это последнее, впрочем, не будет иметь значения для того, о чем пойдет речь), – возвращаясь к представленному в таблице, объединяющей концептуальной точкой, с необходимым уточнением приложимости к человеку, за концептуальным неисключением на данном этапе, с учетом первой ступени, также *холста*, было бы то, что можно выразить широко понимаемым недо-, с представлением о недотягивании, недостижении, недостаточном соответствии тому, что можно воспринимать как полное, как достигнутое, неущербное, нормативно желательное и самодостаточное.

Если, опять же условно, представить себе какую-то концептуально, если не осознаваемую, то ощущаемую, чувствуемую, линию, или черту, на которой и над которой находится все, что не ‘недо-’, как некий возможно желательный и не требующий довосполнения, поскольку самодостаточный, норматив, то все, что, косвенно или прямо, будет касаться ментальности, передаваемой с помощью *хол(о)*- в составе его производных, будет себя относить к положению под этой линией и чертой. Иными словами, это то ‘недо-’, которое для сознания и в сознании себя обретает в ущербе, недовосполненности, недостаточности и неполноте, этимологически связываясь будь то с идеей ‘резанности, обрезаемости, слишком короткой обрезаемости, иссекновения, отсекания, отрезания, срезания, сечения, рубленности’ и т.п., будь то с идеей, внутренне связанной с этим всем, но не осознаваемой недостижимости (*пока и еще* либо *перешедших в уже*) необходимого стадийного положения.

Сказанное было бы тем объединяющим глубоко посаженным контрапунктом, который в себя собирает, но и из себя, излучая, затем отдает концептуальные и смысловые свои ответвления в том, что мыслится и может мыслиться, для людей, но не только людей, что будет показано далее, как недотягивание и недостаточность в социальном, возрастном, поведенческом (для людей) отношениях, в приложимости к назначению, к способно-

сти производить, иметь, содержать в себе, обладать (для людей, для живых существ, объектов живой и неживой природы, предметов, орудий, средств, материалов и пр. как артефактов).

Ответвления скрытого объединяющего все остальное пункта начинают себя проявлять, исходя из потребностей называния и, тем самым, с опорой на парадигматико-концептуальную схему как внутренний потенциал, в отношении того, что видится важным для обозначения, поскольку входит в имеющиеся представления о мире. В первую очередь, такие и те, которые составляют действительность существования применительно к взаимодействию с ней человека. Это не мир как таковой, а тот мир в его ограничении кругом контактов и функционирования, в котором живет человек в окружении объектов, с которыми ему приходится иметь дело.

И тогда скрытый от непосредственного осознания семантический пункт недотянутости и недостаточности проявляет себя в отношении тех и того, кто, достигши определенного возраста, не достиг пока еще, не осуществил следующей из этого, важной с общественной точки зрения, необходимости приобретения пары и вступления в брак, с тем чтобы, имея потомство, членов общины, тем самым, производить. Будучи важным, подобное представление реализует себя с помощью корня *хол(о)-*, выражаясь, поддерживаясь также и словообразовательно при посредстве формантов *-к-*, *-ст-*. Появляются *холокъ* и *холостъ*, за которыми, при назывании не состоящего в браке, скрыто стоит представление о недотянутости его социального положения по сравнению с другими при соответствующем возрасте и о нем же как о 'недопроизводителе'. Из чего далее следуют представления о его неполноте, несостоятельности на данный момент, неисполненности, неполноценности, которые, обрастая коннотациями несоответствия и ущербности по сравнению с другими – в социальной и функциональной проекциях, становятся средством как ритуальной в известных случаях, так и общественной маргинализации. Отсюда то, что *холостой* – *полчеловека* и *не человек* (на что обращалось внимание ранее), не состоявшийся человек, во всяком случае на данный момент, и *недо*человек (опуская аллюзии нищестанства), в значении 'недошедший' пока что еще человек – до того положения, которое требуется и соответствовать которому ему надлежит. И это была бы проекция, применительно к человеку-объекту, как уже отмечалось, социальная, точнее общинная и родовая, и с этим, как следствие и во взаимной связи, витально-функциональная, с оценкой его неисполненности в этом втором и несоответствия, применительно к данной общности, в первом случае.

Следующая проекция, опуская, может быть, важное, а может, неважное, представление об 'обрезанности' в физическом смысле (кастрированный раб), выводимое в ряде этимологий, предполагает 'обрезанность', точнее 'урезанность', в социальном и, как следствие, правовом отношениях. Это также по существовавшим понятиям *недо*человек, поскольку неполноправ-

ный, ущербный, урезанный член и не член данной общности по сравнению с другими. Представление это, связываемое либо не связываемое первоначально с его физической неполноценностью подразумевая то, что он евнух, но несомненно связываемое с неполноценностью статусно-правовой, обуславливающей его ограниченность и маргинализованность, а с этим оценочность и коннотации, оформляется, в силу того, что реально имеются такие людские объекты и их надо назвать, также словообразовательно с помощью суффикса *-н-*. И отсюда *холоп*.

Представление о молодом как ‘коротко стриженном’, но лишь исходно (греч. *κόρος*, *κοῦρος*, ‘мальчик, сын’, *κόρη* ‘девушка’: *κεῖρω* ‘стричь’, в связи с обрядом стрижения у подростков), на первый взгляд, несколько неожиданно, но если задуматься, то в продуцирующем семантику потенциале стоит все то же *недо-*, и тогда представление не о ‘коротко стриженном’, а о молодом как еще недостигшем, позиции, положения, состояния, с переносом на возраст и то, что с ним неизбежно связано, оформляется в *холити* и *шалити*. Как то, что характерно для несовершенного и неполного возраста у человека, с дальнейшими производными в *пахолок*, *пахольень*, *pacholek*, *pachole* и пр. И как ребенок, и как оруженосец, поскольку мальчик-слуга, слуга по возрасту, а не ‘обрезанному’ своему положению, как *холоп*.

Соотношение возрастного и социального, как известно, было активным и тесным, в известном смысле не различаемым, для эпохи средневековья, концептуально слитым в одно. Ср.: *дети боярские* (дружина боярина, князя, отсюда *детинец*, где они собирались), *челядь* ‘слуги, рабы, невольники’, ‘дворня’ и олон. ‘дети’, ‘мальчики’, болг. *челяд* ‘потомство, род, дети’, с.-хорв. *чѣльад* ‘члены семьи’, ‘домашние’, чеш. *čeled* ‘прислуга’ и т.п. по слав. языкам, *чадо* ‘ребенок, дитя’ и собир. *чадь* ‘дети’ и ‘люди’, ‘народ’, ‘дружина’, *ребенок*, *ребята*, *ребя*, *робя*, *ребята*, *робята*, того же корня, что *раб*, др.-рус. *отрок* ‘дитя, подросток’, а также ‘слуга, раб, работник’; ‘дружинник, воин’, общеслав. **от(ъ)рокъ*, с корнем **рок-* (*речь*), ‘не говорящий’ как ‘не имеющий права речи, права голоса в жизни рода и племени’. (Черных, 1999, I, 611). Неполноправность детей, в связи с тем же отроком, лишенным права, не будучи спрошенным, говорить, в польском находит свое отражение в известной пословице *Dzieci i rybu głosu nie mają*, с отнюдь не случайным уподоблением рыбам¹⁶.

Обращаясь в связи со сказанным к далеко не простому слову *холуй*, суффиксальный морф которого сам по себе создает затруднение, видится необ-

¹⁶ Рассуждение об этом подобии заняло бы немало место и уводило бы в сторону, поэтому мы его лишь отметим в связи не с одним только правовым, но и сущностным, несовершенством детей, недостижимостью ими полного состояния, их недостаточностью и неполнотой, возрастной, но при этом как социальной и функциональной. Ср. рус. *несовершеннолетний* и польск. его соответствие *nierpełnoletni*, легко ассоциирующееся с *niespełna (rozumi)*.

ходимым отметить два обстоятельства. При достаточной очевидности, по крайней мере на первый взгляд, его социальной и затем поведенческой, в отнесении к человеку, проективности применительно к *недо-*, у Даля в его словаре как основная дается форма *халуй*, а *холуй* как вторичная. И это различие, пусть и чисто формальное, нельзя сказать, чтобы с семантической точки зрения было не значимым. Это первое. Второе, связанное с этим первым, а может, и нет, заключается в том, что у этого слова немало отнюдь не близких по своей сути значений, из которых для современности (минуя говоры) сохранилось, собственно говоря, одно – ‘слуга’, ‘лакей’ (уже устаревшее, и так отмечает МАС) и его производное бранно-презрительное не устаревшее ‘раболепствующий прислужник (при ком-то и у кого-то)’, ‘низкий угодник’ и ‘подхалим’.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонова, С.М. (2003). *Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации*. Гродно: Гродненский университет.
- Гак, В.Г. (1972). *К проблеме общих семантических законов*. В: *Общие и романское языкознание* (151–152). Москва: Издательство Московского университета.
- Гак, В.Г. (1977). *К типологии лингвистических номинаций*. В: *Языковая номинация: Общие вопросы* (230–293), Б.А. Серебrenников (ред.). Москва: Наука.
- Гак, В.Г. (1998). *Языковые преобразования*. Москва: Языки русской культуры.
- Даль, В.И. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. Москва: Русский язык.
- Зализняк, А.А. (2001). *Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов»*, Вопросы языкознания, № 2, 13–25.
- Зимин, В.И. (2012). *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. Москва: Аст-Пресс Книга.
- Кубрякова, Е.С. (1981). *Типы языковых значений. Семантика производного слова*. Москва: Наука.
- Кубрякова, Е.С. (1991). *О понятии семантического сдвига в естественном языке*. В: *Лингвистическая семантика и прагматика* (8–10). Москва–Харьков.
- Кудрявцева, Л.А. (1993, 2004). *Моделирование динамики словарного состава языка*. Киев: ИПЦ «Киевский университет».
- Кустова, Г.И. (2000). *Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений*, Вопросы языкознания, № 4, 85–109.
- Кустова, Г.И. (2004). *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва: Языки славянской культуры.
- Кустова, Г.И. (2016). *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва: Флинта, 2016.
- Лапшина, М.Н. (1996). *Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка)*. Автореферат. Диссертация кандидата филологических наук, доступ: 10.02.2004. Санкт-Петербург.
- Морель, Д.А. (2010). *Виды семантической деривации и проявления интеграционной активности концептов*, Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова Общественные науки, № 4, 132–138.

- Мурзин, Л.Н. (1984). *Основы дериватологии*. Пермь: Пермский университет.
- Рахилина, Е.В., Карпова, О.С., Резникова, Т.И. (2009). *Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие*, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). Москва: РГГУ, 420–425.
- Рахилина, Е.В., Карпова О.С., Резникова Т.И. (2010). *Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг (396–455)*. В: *Лингвистика конструкций*, Е.В. Рахилина (отв. ред.). Москва: Азбуковник.
- Розина, Р.И. (2002). *Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации*, Вопросы языкознания, № 2, 3–15.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н.И. Толстого.* (2012). Т. 5, Москва: Международные отношения.
- Словарь русского языка в четырех томах (МАС)*. (1984). Изд. второе, испр. и доп., А.П. Евгеньева (гл. ред.). Т. IV. Москва: Русский язык.
- Телия, В.Н. (1977). *Вторичная номинация и ее виды*. В: *Языковая номинация: Виды наименований (129–221)*, Б.А. Серебренников (ред.). Москва: Наука.
- Телия, В.Н. (1981). *Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке*. Москва: Наука.
- Тропина, Н.П. (2003). *Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование*. Херсон: Изд. ХГУ.
- Убийко, В.И. (2004). *Концептосфера человека в семантическом пространстве языка*, Вестник Оренбургского государственного университета, № 5, 37–40.
- Уфимцева, А.А. (1977). *Лексическая номинация (первичная, нейтральная)*. В: *Языковая номинация: Виды наименований (5–85)*, Б.А. Серебренников (ред.). Москва: Наука.
- Фасмер, М. (1987). *Этимологический словарь русского языка. В четырех томах*. Изд. второе, стереотипное. Т. IV. Москва: Прогресс.
- Черных, П.Я. (1999). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. 3-е изд., стереотипное. Т. I–II. Москва: Русский язык.
- Шабалина, Н.Ю. (2007). *Когнитивные модели субстандартной семантической деривации (на материале тематической группы субстандартных глаголов умственной деятельности современного английского и русского языков)*. Автореферат. Диссертация кандидата филологических наук, доступ 10.02.2020. Тюмень.
- Шапилова, Н.И. (2012). *Семантическая деривация как основа системного и функционального взаимодействия лексических единиц*, Вестник Кемеровского государственного университета, т. 4, № 4 (52), 211–214.
- Шмелев, Д.Н. (1973). *Проблемы семантического анализа лексики*. Москва: Наука.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. (1981). Вып. 8 (*ха–*jъвьlga), О.Н. Трубачев (ред.). Москва: Наука.

- Antonova, S.M. (2003). *Glagoly govoreniya – dinamičeskaya model' yazykovoi kartiny mira: opyt kognitivnoi interpretatsii*. Grodno: Grodnenskii universitet.
- Chernykh, P.Ya. (1999). *Istoriko-etimologičeskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. 3-e izd., stereotipnoe. Т. I–II. Moscow: Russkii yazyk.
- Dal, V.I. (2000). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Т. 4. Moscow: Russkii yazyk.
- Etimologičeskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksičeskii fond*. (1981). Vyp. 8 (*kha–*jъвьlga), O.N. Trubachev (red.). Moscow: Nauka.

- Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V chetyrekh tomakh*. Izd. vtoroe, stereotipnoe. T. IV. Moscow: Progress.
- Gak, V.G. (1972). *K probleme obshchikh semanticheskikh zakonov*. V: *Obshchee i romanskoe yazykoznanie* (151–152). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Gak, V.G. (1977). *K tipologii lingvisticheskikh nominatsii*. V: *Yazykovaya nominatsiya: Obshchie voprosy* (230–293), B.A. Serebrennikov (red.). Moscow: Nauka.
- Gak, V.G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Kubryakova, E.S. (1981). *Tipy yazykovykh znachenii. Semantika proizvodnogo slova*. Moscow: Nauka.
- Kubryakova, E.S. (1991). *O ponyatii semanticheskogo sdviga v estestvennom yazyke*. V: *Lingvisticheskaya semantika i pragmatika* (8–10). Moscow–Kharkov.
- Kudryavtseva, L.A. (1993, 2004). *Modelirovanie dinamiki slovarnogo sostava yazyka*. Kiev: IPTs «Kievskii universitet».
- Kustova, G.I. (2000). *Kognitivnye modeli v semanticheskoi derivatsii i sistema proizvodnykh znachenii*, *Voprosy yazykoznaniiya*, № 4, 85–109.
- Kustova, G.I. (2004). *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Kustova, G.I. (2016). *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moskva: Flinta.
- Lapshina, M.N. (1996). *Semanticheskaya derivatsiya v kognitivnom aspekte (na materiale angliiskogo yazyka)*. Avtoreferat. Dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk, dostup: 10.02.2004. St. Petersburg.
- Morel', D.A. (2010). *Vidy semanticheskoi derivatsii i proyavleniya integratsionnoi aktivnosti kontseptov*, *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova Obshchestvennye nauki*, № 4, 132–138.
- Murzin, L.N. (1984). *Osnovy derivatologii*. Perm: Permskii universitet.
- Rakhilina, E.V., Karpova, O.S., Reznikova, T.I. (2009). *Modeli semanticheskoi derivatsii mnogoznachnykh kachestvennykh prilagatel'nykh: metafora, metonimiya i ikh vzaimodeistvie*, *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2009»* (Bekasovo, 27–31 maya 2009 g.). Vyp. 8 (15). Moscow: RGGU, 420–425.
- Rakhilina, E.V., Karpova O.S., Reznikova T.I. (2010). *Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstruktivnykh: metafora, metonimiya i rebrending* (396–455). V: *Lingvistika konstruktivnykh*, E.V. Rakhilina (otv. red.). Moscow: Azbukovnik.
- Rozina, R.I. (2002). *Kategorial'nyi sdvig aktantov v semanticheskoi derivatsii*, *Voprosy yazykoznaniiya*, № 2, 3–15.
- Shabalina, N.Yu. (2007). *Kognitivnye modeli substandartnoi semanticheskoi derivatsii (na materiale tematicheskoi gruppy substandartnykh glagolov umstvennoi deyatel'nosti sovremennogo angliiskogo i russkogo yazykov)*. Avtoreferat. Dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk, dostup 10.02.2020. Tyumen.
- Shapilova, N.I. (2012). *Semanticheskaya derivatsiya kak osnova sistemnogo i funktsional'nogo vzaimodeistviya leksicheskikh edinit*, *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, t. 4, № 4 (52), 211–214.
- Shmelev, D.N. (1973). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki*. Moscow: Nauka.
- Slavyanskie drevnosti. Ehtnolingvisticheskii slovar' pod obshchei redaktsiei N.I. Tolstogo*. (2012). T. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh* (MAS). (1984). Izd. vtoroe, ispr. i dop., A.P. Evgen'eva (gl. red.). T. IV. Moscow: Russkii yazyk.
- Teliya, V.N. (1977). *Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy*. V: *Yazykovaya nominatsiya: Vidy naimenovaniia* (129–221), B.A. Serebrennikov (red.). Moscow: Nauka.

- Teliya, V.N. (1981). *Tipy yazykovykh znachenii. Svyazannoe znachenie slova v yazyke*. Moscow: Nauka.
- Tropina, N.P. (2003). *Semanticheskaya derivatsiya: mul'tiparadigmal'noe issledovanie*. Kherson: Izd. KHGU.
- Ubiiko, V.I. (2004). *Kontseptosfera cheloveka v semanticheskom prostranstve yazyka*, Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, № 5, 37–40.
- Ufimtseva, A.A. (1977). *Leksicheskaya nominatsiya (pervichnaya, neutral'naya)*. V: *Yazykovaya nominatsiya: Vidy naimenovaniy* (5–85), B.A. Serebrennikov (red.). Moscow: Nauka.
- Zaliznyak, A.A. (2001). *Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: projekt «Kataloga semanticheskikh perekhodov»*, Voprosy yazykoznaniiya, № 2, 13–25.
- Zimin, V.I. (2012). *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazhenii*. Moscow: Ast-Press Kniga.